Текст · 27 января 2020, 07:09
Анастасия Ясеницкая,

Клюквенная падь. Сотрудников МВД в Бурятии обвиняют в убийстве двух девушек, чьи тела нашли в лесу 17 лет назад

В августе 2002 года в небольшом бурятском поселке Селенгинск в 50 километрах от Байкала пропали две девушки — 17-летняя Женя Шекунова и 18-летняя Катя Патеюк. Спустя две недели их тела нашли в яме, выкопанной в лесу недалеко от поселка, в местности, известной под названием Клюквенная падь. Дело об их убийстве оставалось нераскрытым в течение 17 лет. В декабре прошлого года Следственный комитет отчитался о возобновлении расследования и задержании двух подозреваемых: ими оказались сотрудники МВД. Для родственников убитых это не стало неожиданностью — о причастности милиционеров к убийству в поселке говорили с самого начала.

Эта публикация — совместный проект «Медиазоны» и журнала «Холод».

«Заколотили — и две справки»

Вечером 9 августа 2002 года 17-летняя Женя Шекунова испекла пирог с хариусом, которого ее отец поймал в тот день на рыбалке, и принесла его на дачу неподалеку от Селенгинска, где ее родители решили заночевать с друзьями. Вместе с Женей на дачу пришла ее школьная подруга, 18-летняя Катя Патеюк,

которая в дом заходить не стала, — она знала, что мать Жени не одобряет их общения, и осталась ждать подругу за воротами.

53-летняя Ольга Шекунова помнит, что тот день выдался солнечным. С утра они всей семьей ходили на рынок, чтобы купить одежду к новому учебному году. Младшей дочери, 13-летней Ксюше, купили джинсы со стразами; старшей, Жене, — черные туфли на толстом каблуке, блузку цвета морской волны и черные брюки. Шекунова вспоминает, что дочь выглядела довольной и в тот же день переоделась в обновки. В этой одежде она и ушла в тот вечер с дачи обратно в Селенгинск, пообещав родителям следить за младшей сестрой.

Катя Патеюк (четвертая слева во втором ряду) и Женя Шекунова (крайняя справа в верхнем ряду). Фото: семейный архив

Ксения Шекунова, которой сейчас 31 год, рассказывает, что в тот вечер она, воспользовавшись отсутствием родителей, позвала в гости подруг. Пока младшие девочки сидели в гостиной, старшие — Женя и Катя — красились на кухне. Ксения говорит, что в тот момент не обратила на это внимания, но позже поняла, что ее сестра с подругой явно куда-то наряжались. Около полуночи девушки вышли на улицу. Женя сказала младшей сестре, что проводит Катю до дома — та жила неподалеку, — и сразу вернется обратно. Больше их никто не видел.

Позже милиционеры найдут в доме Патеюков карманный календарик, в котором Катя обвела ручкой 10-е число, — но что значила эта дата, так никто и не узнает.

«Утром проснулась я — а мы с ней спали вместе, с Женей, — я проснулась от того, что на мне какая-то рука лежит. Она меня раньше обнимет — и мы с ней так спим. Я поворачиваюсь — никого нету. Мне так жутко стало», — рассказывает Ксения Шекунова. Родители Жени сразу заподозрили неладное: девушка никогда надолго не отлучалась из дома, в отличие от свободолюбивой и самостоятельной Кати, — та могла уехать к друзьям в Улан-Удэ на несколько дней, не предупредив семью. Но в первые дни Ольга и Виктор Шекуновы все же надеялись, что Женя с Катей с кем-то познакомились и «загуляли» — и дочь вот-вот вернется. Однако Женя не появилась дома ни на четвертый, ни на пятый день. Тогда Шекуновы обратились в милицию.

Самостоятельные поиски ничего не дали. Одни говорили, что видели Женю в поселке, другие — что в окрестностях Байкала, до которого от Селенгинска ехать 50 километров. Шекуновы объездили побережье озера, но Женю так и не нашли. «Вы представляете состояние? Ходишь по поселку, думаешь — вот она, вдалеке где-то идет...» — рассказывает мать девушки. Ее голос начинает дрожать. «Мы даже мысли не допускали, даже не думали о том, что ее в живых-то нет», — говорит Ксения. Ольга Шекунова даже попросила подруг дочери передать ей при встрече, чтобы «она шла домой и не боялась», пообещав, что «ругать не будет».

По словам Шекуновой, бабушка Жени, которой уже нет в живых, верила, что внучка вернется домой к 27 августа, так как ее сестре в этот день должно было исполниться 14 лет. «Мама говорит: "К Ксюше на день рождения она обязательно придет, потому что она сильно Ксюшу любит"», — вспоминает она.

26 августа, спустя две с лишним недели после пропажи дочери, Ольга Шекунова пекла на кухне блины, когда со стены с грохотом сорвалась деревянная картина с вырезанной на ней фигурой девушки, которая тянется за яблоком на ветке. В семье шутили, что это «Женя на даче». Шекунова повесила картину обратно, но через пять минут она снова упала. «Новая веревка — и она порвалась», — добавляет Ксения.

Позже в тот же день, когда Шекуновы выкапывали на даче морковь из грядок, к дому подъехала милицейская машина. Сотрудники МВД сообщили родителям девушки, что в окрестностях поселка обнаружены два трупа. Уточнив у Шекуновых рост их дочери — 178 сантиметров — милиционеры обнадежили их, сказав, что, скорее всего, нашли не ее, — но все равно попросили приехать на опознание в отдел МВД по Кабанскому району. Туда же позвали Светлану и Андрея Патеюков, родителей Кати.

В тот же день, уже в сумерках, во дворе отдела Патеюкам и Шекуновым показали найденные трупы, которые уже успели сильно разложиться. «Там не видно было ни лица, ничего — ну и запах, естественно, уже был. Жара. В тот год август жаркий был невозможно», — рассказывает Ольга Шекунова.

Женю родители опознали по кулону с лунным камнем и золотым сережкам с александритом, которые в семье передавались по наследству. После опознания мать девушки упала в обморок. Катю отец смог узнать только по одежде. Светлана Патеюк смотреть на тело дочери не решилась. После опознания трупы увезли в морг в Улан-Удэ на криминалистическую экспертизу.

Через несколько дней тела дочерей оттуда забрали отцы. Девушек похоронили на селенгинском кладбище в закрытых гробах в один день. «Там 25 килограммов от [Кати] осталось-то. А у Жени одни ноги остались, остальное все скелетировано было», — рассказывает Ольга Шекунова. «Заколотили — и две справки. Там и нечего было смотреть», — говорит Андрей Патеюк.

Виктору Шекунову, который в то время работал пожарным[1], удалось через знакомых сотрудников милиции выяснить место в лесу, где нашли тела девушек. Через несколько дней после похорон Шекуновы и Патеюки поехали туда на мотоциклах, с крестом и цветами. Ольга Шекунова вспоминает, что, когда они вкапывали крест, возле ямы, где нашли их дочерей, все еще стоял трупный запах.

При этом сами сотрудники МВД сумели найти глухое место в лесу, где были спрятаны тела, только благодаря странному письму, которое через две недели после исчезновения девушек пришло в отдел милиции Кабанского района. В конверте была нарисованная от руки карта местности, на которой было обозначено точное место захоронения. Ни имени, ни обратного адреса на письме не было.

Ольга Шекунова рассматривает фотографии дочери. Фото: Анна Огородник / Холод

Девушки, у которых не было ничего общего

Женя Шекунова и Катя Патеюк были знакомы с детства. Они учились в одном классе в селенгинской школе, вместе поступили в политехнический лицей — но близкими подругами не были. Вскоре после поступления Катя забросила учебу и решила найти работу, а Женя продолжила осваивать профессию технолога общественного питания. По воспоминаниям родственников, ей очень нравилось готовить и придумывать новые рецепты. После окончания лицея она планировала устроиться на работу поваром.

Близкие описывают Женю как мягкого и неконфликтного человека, — Катя же обладала вспыльчивым характером и за словом в карман не лезла. «Учебу бросила. Не такая она, как Женька,

они абсолютно разные», — говорит Ольга Шекунова. Ксения Шекунова добавляет, что у сестры было много друзей, — «юмористка была, душа компании». Катя не входила в привычную компанию Жени, и для ее друзей стало неожиданностью то, что она начала гулять с ней. «До сих пор мы не понимаем, как она с Катей-то могла спутаться, — говорит подруга Жени Ксения Ефимова, которой в то время было 16 лет. — По характеру, по разговорам у них совместного ничего и не было». Женя, по словам Ефимовой, была «теплая и нежная», как «большая плюшевая игрушка, — прямо потискать охота», Катя же, по ее мнению, была «грубой» и слишком много времени проводила с парнями. «Могла нахамить, наоскорблять всяко-разно. Могла в драку ввязаться, для нее это не проблема была, — объясняет она. — Мы с ней особо не общались. Ну вот не нравилась она нам».

В день исчезновения Женя должна была прийти в гости к Ефимовой, которая в тот вечер собирала у себя друзей, — но вместо этого ушла куда-то с Катей. «Маленько она скрытная была, — добавляет Ефимова. — Как они подружками-то стали, мы вот это даже не поняли? В какой момент мы это упустили? Получается, по факту, что мы толком-то про нее и не знаем ничего. То, что она хороший, добрый человек — это да. А лишнего она никогда ничего не скажет».

«По характеру она была смелая. Дерзкая, может, даже где-то, — описывает, в свою очередь, Катю ее мать, Светлана Патеюк. — Открытая она была. Никогда не пряталась, не таилась. Ее увлекало общение с людьми, она со всеми как-то в контакт входила, умела разговаривать». Младший брат Кати, 33-летний Василий Патеюк, говорит, что характер у сестры

«был жесткий, вольный». «Свободу любила, за себя стояла горой. Вообще это был шок, что такое могло произойти, — добавляет он. — Наоборот, за нее прятались все. Она скажет так скажет. Надо — так двинет».

Близкие рассказывают, что Катя с детства была спортивной девочкой: занималась лыжами, борьбой, боксом и кикбоксингом. Ее родители не верят, что дочь могла просто так дать себя в обиду. «Физически-то она развита была, сильная, — подчеркивает Светлана Патеюк, показывая фотографию, на которой Катя в шутку поднимает другую девушку на руках. — Она бы за себя постояла. Они бы справились. Но это что-то неожиданное было там. Они не знали, куда они едут, что произойдет».

Фотографии Кати Патеюк из семейного архива. Фото: Анна Огородник / Холод

«Тащили волоком за ноги»

Тела Кати и Жени нашли в Клюквенной пади — болотистой местности среди холмов в двадцати минутах езды от поселка. Чтобы добраться до места, надо проехать мимо поселкового кладбища, свалки, скотомогильника и озера. Там, на покрытом лесом холме в августе 2002 года кто-то вырыл неглубокую яму и сбросил в нее трупы девушек — сначала Жени, а потом Кати, — впопыхах забросав их ветками.

По пути в Клюквенную падь отец Кати, 58-летний Андрей Патеюк, показывает из окна машины следы на снегу, которые тянутся по краям от дороги. «Косули», — объясняет он. Одну из них, говорит он, неподалеку отсюда растерзала рысь. Патеюк уверен, что убийство произошло не в Клюквенной пади, потому что в этом глухом месте «водку не пьют» и не отдыхают. Сам он знает эти места с детства и нередко ходит сюда на охоту.

Патеюк слегка картавит; у него седые усы и голубые выразительные глаза. Он курит одну сигарету за другой, привычным движением вытаскивая пачку «Примы» из кармана зимней рабочей куртки. Зимой до места, где нашли тела девушек, нельзя добраться из-за глубокого снега. Поэтому он выходит из машины и рукой указывает направление: «ЛЭП где. Не последний столб, а вот ниже столб видно на горе, и вот чуть подальше, там ложбинка...»

Андрей Патеюк впервые побывал на том месте через несколько дней после опознания дочери. По его словам, неподалеку от ямы он заметил сломанный папоротник, который успел пожелтеть, и вмятины на земле, оставленные ходовой частью автомобиля. «Следы доходили до определенного места и все, кончались. Дошли до ЛЭПа, уткнулись в горку и все, дальше они не могли проехать, — описывает он. — Потом вытащили [тела]. От машины метров шесть-семь... Их вытаскивали и тащили волоком за ноги. На следах были волосы. Ну, и куски [плоти]...» — объясняет он.

По словам Патеюка, в тот день он понял, что люди, прятавшие тела, хорошо знали местность, и что

проехать на возвышенность в лесу мог только УАЗ, которых в поселке было едва ли больше десятка. Но когда он попытался объяснить это в отделе милиции, его самого обвинили в убийстве дочери.

Андрей Патеюк на могиле дочери. Фото: Анна Огородник / Холод

«За что так убивать было?»

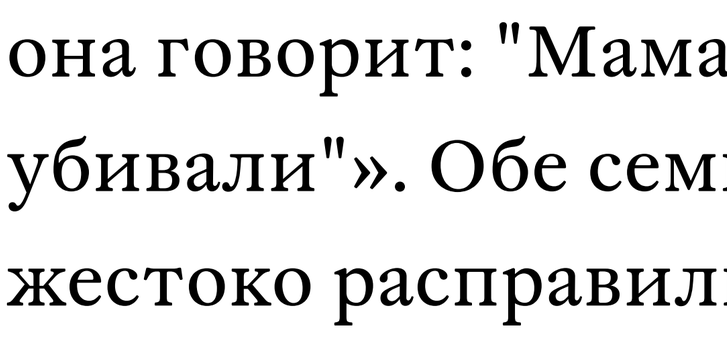
По словам Андрея Патеюка, много времени следователи потратили на поиск автора того самого анонимного письма с нарисованной от руки картой, благодаря которой удалось обнаружить спрятанные в лесу трупы девушек. Найти его им, однако, не удалось. Позже сами родственники выяснили, что тела нашел житель окрестного села Береговая. В прошлом он был судим и из-за этого боялся, что в убийстве обвинят его. Мужчина перерисовал карту лесного участка, обозначил на ней точное место захоронения и отправил письмом в отдел.

«Следствие было произведено отвратительно, — рассуждает Андрей Патеюк, уже сидя в гостиной своей квартиры в Селенгинске. Рядом с ним на тумбочке стоит фотография погибшей дочери. — Они почему-то зациклились на письме. А он [автор], оказывается, вообще ни при чем был, просто человек помог». При этом милиционеры даже не сфотографировали место, где были спрятаны тела, подчеркивает он.

По словам Патеюка, когда во время допроса он стал рассказывать следователям, какие выводы он сделал, изучив следы в лесу, сотрудники обвинили его самого в убийстве дочери — ведь он так хорошо ориентируется на местности. «Если б я убил, вы бы их не нашли!» — пересказывает он свой разговор со следователями, объясняя, что тела, по его мнению, были спрятаны в неудачном месте — на холме, где ходят охотники и грибники. Тех такой ответ не устроил. «Они еще пуще на меня начали [давить]: сознайся, не бери грех на душу, как жить потом будешь. Психологически [давили]... Почему ты, говорит, второй день пьяный ходишь? Ну, [был] после поминок второй день, по-моему. Я был не пьяный, просто вид такой был», — объясняет он упавшим голосом.

«"Как муж относился к дочери? Как дочь к вам относилась?". Потом: "Мог ли он [отец] это сделать? Почему у него состояние такое? Может, он запивает горе свое, то, что он сделал?"» — перечисляет Светлана Патеюк вопросы, которые ей задавал на допросе начальник уголовного розыска Кабанского РОВД Николай Манаханов. По ее словам, в один из дней ее отвезли в отдел вместе с младшей дочерью Анной, которой на момент смерти сестры было 11 лет. Ее допрашивали без родителей. «Манаханов этот кричал на нее: "Говори, с кем она была, где она была, как она была, в чем ушла, куда ушла". Она говорит, я плакала», — рассказывает Светлана Патеюк. Ольга Шекунова добавляет, что однажды тот же начальник угрозыска вызвал ее с мужем на допрос пьяный и грубил им. На вопросы «Холода» Манаханов, который уже вышел на пенсию, отвечать отказался.

Патеюки и Шекуновы говорят, что им даже не показали криминалистическую экспертизу, которая бы объяснила причину смерти девушек. Василий Патеюк рассказывает, что в морге им дали только медицинское свидетельство о смерти Кати, в котором были указаны множественные переломы, черепно-мозговые травмы, а также отсутствие нижней челюсти. По словам Ольги Шекуновой, причина смерти Жени была не установлена. «Мы предполагаем, что ее удушили, скорее всего, — у нее ничего не было переломано, — говорит она. — Мне сон приснился через неделю после [похорон]: какая-то квартира, я захожу, и Женя на кухне. Она меня ведет в ванную, там лежит Катя в ванне, и она говорит: "Мама, это Катю убивали, меня не убивали"». Обе семьи не понимают, почему так жестоко расправились с их детьми. «За что так убивать было? — задается вопросом Шекунова. — Даже пусть [изнасиловали] — они не девочки обе были на тот момент, [чтобы так заметать следы]».



Селенгинский отдел милиции. Фото: Анна Огородник / Холод

Еще два убийства

В течение нескольких месяцев после убийства Жени Шекуновой и Кати Патеюк в селенгинском отделе милиции при странных обстоятельствах были убиты два сотрудника.

Первым погиб 22-летний оперативник Николай Кузьмин, который занимался делом о двойном убийстве в Клюквенной пади. Кузьмин с детства знал Катю, поскольку жил на соседней улице, и даже какое-то время «ухлестывал» за ней, рассказывает отец девушки Андрей Патеюк. По утверждению родственников убитых, осенью 2002 года Кузьмин сказал своему отцу, что знает, кто убил девушек, но ему еще нужно проверить некоторые данные перед тем, как называть имена. Информацию об этом «Холоду» подтвердил собеседник в семье Кузьминых. «Он говорил отцу о том, что знает лиц, совершивших преступление. Но хотел найти неоспоримые доказательства», — сказал он.

Вскоре после этого, в субботу 16 ноября 2002 года, Николай Кузьмин с несколькими коллегами и знакомыми поехал на охоту. В лесу их неожиданно догнал замначальника кабанского РОВД по кадровой работе подполковник Николай Стрекаловский. Собеседник в семье Кузьминых подчеркивает, что его никто не звал присоединиться к компании.

Во время охоты Стрекаловский застрелил Николая Кузьмина. Свою вину он не признавал, но, по словам бывшего оперативника Евгения Хасоева, который в то время расследовал убийство двух девушек, ситуационная экспертиза доказала, что стрелял именно он. Уголовное дело в отношении Стрекаловского было передано в суд: милиционер был приговорен к двум годам условного срока и выплате компенсации размером в несколько десятков тысяч рублей.

В начале 2003 года прямо в селенгинском отделе милиции был убит участковый Виталий Богдан. Его тоже застрелил коллега — милиционер Александр Попов. Родственники погибших девушек и собеседник в семье Кузьминых подчеркивают, что Попов был тесно связан со Стрекаловским, так как жил в гражданском браке с его дочерью Анжелой.

Источник, близкий к семье Богдана, рассказал «Холоду», что родственников пытались убедить в том, что более опытный сотрудник Богдан якобы потребовал от стажера Попова провести неполную разборку-сборку пистолета Макарова, в результате чего и произошел выстрел. «Это надо тупым быть, чтобы такую ***** сморозить. Что [во время рутинной разборки-сборки] выстрел произошел. Это надо на дурачка сыграть вот так», — возмущается собеседник.

По словам источника, Попов тоже не получил реального срока за убийство Богдана и «пролетел как несчастный случай»: «Так, в дурке пару месяцев протусовался. Чисто на хромой козе проехал. Ему что-то там назначили, какие-то выплаты за моральный или материальный ущерб». При этом собеседник «Холода» уверен, что смерть участкового не случайна: «Там все подвязано — с этим всем, что с девчонками произошло».

После убийств Стрекаловский и Попов быстро уехали из поселка, и больше их никто там не видел.

А дело о двойном убийстве в Клюквенной пади надолго заглохло. «Мы чуть ли не каждые две недели ездили в прокуратуру в Кабанск, — рассказывает Светлана Патеюк. — Выслушают, придут: дело идет.

Так я год проездила, потом в город [Улан-Удэ] начала ездить в прокуратуру[2]. Три с половиной года прокатались. "Пока информации никакой вам дать не можем". И вот так на этом все затихло».

Родственники обеих девушек особенно сожалеют о том, что у них не осталось почти ничего в память о дочерях, потому что они отдали следователям все их личные вещи. В феврале 2016 года Ольга Шекунова подала в прокуратуру Кабанского района жалобу с требованием вернуть ей изъятые фотографии, дневники и золотые украшения ее дочери. Прокуратура перенаправила эту жалобу в районное управление СК, где ей ответили, что в камере хранения доказательств вообще нет вещей, связанных с этим уголовным делом. Позже прокуратура прислала еще одно постановление (имеется в распоряжении «Холода») уже с другими данными: якобы в ходе следствия были изъяты только золотые сережки, но где они хранятся — неизвестно, а возвращать их или нет, должно решить следствие.

За все эти годы прокуратура трижды приостанавливала предварительное следствие по делу об убийстве в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (пункт 1 части 1 статьи 208 УПК). При этом первый раз следствие приостановили уже 26 октября 2002 года, то есть ровно через два месяца после обнаружения тел. Все три постановления через некоторое время отменялись самой же прокуратурой как незаконные.

В 2007 году, после смены нескольких следователей, дело отправили в архив. Первые обвиняемые в

нем появились только спустя 17 лет после смерти девушек.

Светлана Патеюк. Фото: Анна Огородник / Холод

«Мы снова вернулись в 2002 год»

8 ноября 2019 года управление Следственного комитета по Бурятии возобновило производство по делу о двойном убийстве 17-летней давности. В тот же месяц с Патеюками и Шекуновыми связались следователи специального подразделения по раскрытию преступлений прошлых лет. «У меня все перевернулось после этих слов, — рассказывает Светлана Патеюк о неожиданном визите следователей. — Мы снова вернулись в 2002 год».

Спустя месяц, 21 декабря, СК объявил о задержании двух подозреваемых, — ими оказались бывший и действующий сотрудники местного отдела полиции. По версии следствия, «в ночь на 10 августа 2002 года два сотрудника милиции вместе со знакомыми девушками приехали в местность Клюквенная падь, где стали употреблять спиртные напитки; во время застолья между пьяными милиционерами и девушками произошла ссора, во время которой сотрудники при помощи топора расправились с потерпевшими».

В сообщении говорится, что следователи смогли выйти на след убийц в результате «тщательного, внимательного изучения уголовного дела», в процессе которого «обратили внимание на ряд, как могло показаться, незначительных деталей».

Задержанных арестовали и предъявили им обвинение по части 2 статьи 105 УК (убийство двух лиц, совершенное группой лиц с целью скрыть другое преступление). Пресс-служба СК отмечала, что на причастность к преступлению проверяются и другие полицейские. Какое преступление пытались скрыть задержанные, убивая девушек, в СК не уточнили.

В пресс-службе Советского районного суда Улан-Удэ «Холоду» сообщили, что по делу о двойном убийстве арестованы Дмитрий Истомин и Евгений Инкин. Истомин — действующий сотрудник дежурной части Кабанского РОВД, Инкин — бывший замначальника селенгинского отдела милиции.

В СК не называли имена фигурантов дела, но в день публикации пресс-релиза анонимный телеграм-канал «Степной дозор» написал, что один из задержанных — полковник полиции Владимир Казадаев, который начинал карьеру в Селенгинске. По данным телеграм-канала, у высокопоставленного полицейского прошел обыск, его вызвали в Улан-Удэ для дачи показаний. В тот же день бурятское управление СК официально опровергло задержание Казадаева.

Фото: Анна Огородник / Холод

Третья

СК отказался объяснять, какие новые обстоятельства помогли вычислить подозреваемых по делу 17-летней давности. Но «Холод» выяснил, что сразу после возобновления следствия это дело было объединено с другим.

11 декабря, еще до ареста Евгения Инкина по обвинению в убийстве Патеюк и Шекуновой, республиканское управление СК возбудило против него второе дело — по факту похищения группой лиц еще одной девушки — Татьяны Бондаревой (имя потерпевшей изменено), а также покушения на ее убийство с целью скрыть другое преступление (часть 2 статьи 126 и часть 2 статьи 105 УК). В тот же день его объединили с делом о гибели Патеюк и Шекуновой.

По словам Патеюков, о существовании третьей девушки, которой удалось спастись в ту ночь, говорили в местной милиции еще во время следствия. «Говорили, что она маленько дурочка. Не воспринимали всерьез ее», — рассказывает Светлана Патеюк. «А она окончила школу с золотой медалью», — подчеркивает ее муж. Патеюки рассказывают, что девушку, которая была младше обеих убитых, вызывали на допросы, но она ничего не говорила, потому что ее «серьезно шугали». По их словам, она

до сих пор живет в поселке, работает и воспитывает двоих детей.

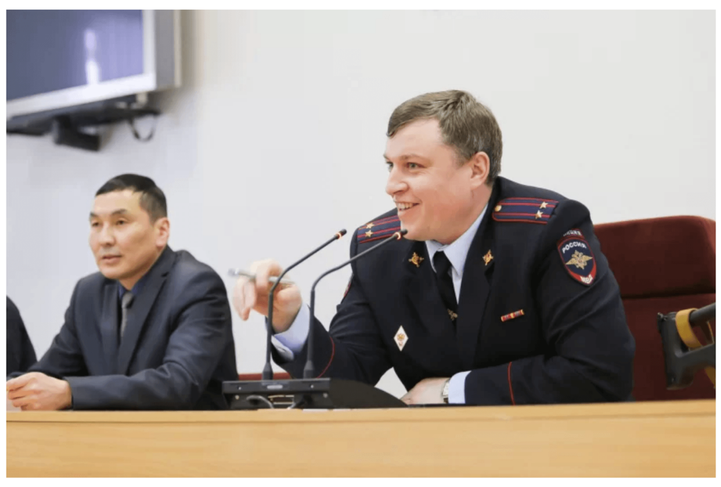
Источник «Холода», знавший обеих убитых девушек, рассказал, что осенью после убийства Патеюк и Шекуновой селенгинский охотник ставил капканы на ондатру у озера в Клюквенной пади, когда заметил на берегу свою соседку — несовершеннолетнюю Татьяну Бондареву — в компании с двумя милиционерами. По словам собеседника, охотник понял, что что-то не так, и предложил Бондаревой довезти ее обратно до поселка на своем мотоцикле. Та согласилась. Источник утверждает, что по возвращении девушка поблагодарила знакомого за то, что тот «спас ее от смерти». Сама Бондарева давать комментарии отказалась.

26 декабря 2019 года по делу о похищении и покушении на убийство Бондаревой задержали еще одного подозреваемого — уроженца Читы Александра Попова. Человек с таким же именем 17 лет назад застрелил в Селенгинске участкового Виталия Богдана. На следующий день после задержания Советский районный суд Улан-Удэ отправил Попова в СИЗО.

По данным «Холода», Попов попал в Кабанский РОВД в 19 лет и работал в селенгинском отделе милиции оперативником и участковым с 29 августа 2002 года по 15 апреля 2003 года. В момент задержания он жил в Краснодаре; со времен службы в Селенгинске он не работал в правоохранительных органах.

Адвокат Попова Содном Бадмаев обжаловал его арест. На заседании Верховного суда Бурятии 16

января он сказал, что «из анализа показаний потерпевшей» Бондаревой следует, что никаких противоправных действий Попов не совершал, а обвинение его доверителю предъявили, основываясь на «предположениях» и «домыслах». Сам обвиняемый добавил, что сотрудничает со следствием. «Если бы это было на самом деле, я бы сказал. Но говорить то, что это было, если этого не было, я не собираюсь», — заключил он. В результате апелляционная инстанция отпустила его на свободу, вопреки возражениям прокурора.



Владимир Казадаев. Фото: МВД

«Человека обосрали»

По словам Патеюков и Шекуновых, о том, что к убийству их дочерей причастны сотрудники милиции, в поселке заговорили практически сразу. Якобы Катю и Женю видели в последний раз садившимися в служебный автомобиль, а в Клюквенной пади в ночь убийства рыбаки заметили «машину с синей полосой». «Сразу начали говорить: Казадаев, Истомин, — рассказывает Ольга Шекунова. — У нас поселок маленький, все друг друга знают. Нам все сопереживали, и все нам в глаза говорили: это Истомин и Казадаев, они друзья. И они вообще любили девок молоденьких».

Патеюки говорят, что 22-летний оперативник Владимир Казадаев, которого жители поселка

упоминали в таких разговорах чаще всего, дружил с их дочерью и бывал у них дома. «Она у него ключи отбирала от машины, когда он пьяный ездил. Он искать ходил, прибегал. Тут [у нашего дома] тоже сколько раз терся, на машине я видал его, — рассказывает Андрей Патеюк. — Отец начальник в ГАИ[3] был. Все дозволено было». «Они [Казадаев с товарищами были] наглые. Чувствовали за собой какую-то [силу]... Вели себя безобразно, — мы в милиции работаем, все можно», — добавляет Ольга Шекунова. Помимо прочего, семья Казадаевых, по словам Андрея Патеюка, была одной из немногих, у кого в поселке в те годы был личный УАЗ.

В конце концов, вспоминает Патеюк, встретив Казадаева в отделе милиции, он прямо спросил его, имеет ли тот отношение к убийству его дочери. Тот поклялся, что не имеет. «Нет, говорит, я тут ни при чем. Что ты так обо мне думаешь?» — вспоминает он ответ Казадаева. Что касается УАЗа, то он в день убийства был сломан, заверил его милиционер.

За 17 лет Владимир Казадаев, начинавший с должности оперуполномоченного отделения уголовного розыска ОВД Кабанского района, построил успешную карьеру — сначала в Бурятии (к 2014 году он дорос до начальника городской полиции в Улан-Удэ), а затем в Москве. В столицу Казадаева перевели через год после того, как управление на транспорте (УТ) по Центральному федеральному округу возглавил его бывший начальник Олег Калинкин, ранее работавший замглавы МВД Бурятии. В 2017 году Казадаев стал начальником линейного управления на Курском вокзале, спустя год возглавил управление угрозыска транспортной

полиции по ЦФО, а в августе 2019 года стал замначальника полиции по оперативной работе УТ по ЦФО. Сейчас он имеет звание полковника.

По словам родственников убитых, в Селенгинске живут отец и мачеха Казадаева, но самого его в поселке не видели давно. Семья Казадаевых управляет небольшим продуктовым магазином «Елена», который находится в нескольких минутах ходьбы от дома Шекуновых. В нем работает тетя полицейского Ольга Казадаева, коротко стриженная блондинка средних лет. Она уверена, что ее племянник ни в чем не виноват. «Потому что человека обосрали, по-русски говоря, — объясняет она, стоя за прилавком. — Он [сам] созванивался, спрашивал следственный отдел: "Ко мне есть какие вопросы?". Они сказали: "Нет". То, что вот это раздули, за это будут люди отвечать. Он вообще никакого отношения к этому не имеет и не имел. Он не такой человек».

Казадаева сказала корреспонденту «Холода», что ее племянник давно не приезжал в Селенгинск. При этом местные жители охотно сообщили, что как раз на днях видели Казадаева, — он появился в поселке впервые за долгое время. Одна из жительниц сказала «Холоду», что Казадаева видели в кино: «Сел-развалился, как ни в чем не бывало, барон. Он же, наверное, не чувствует себя виноватым. Потому что безнаказанный сколько лет живет». Сотрудники кинотеатра подтвердили «Холоду», что видели Казадаева 7 января.

Бывшему оперативнику Евгению Хасоеву, который в 2002 году расследовал убийство девушек, а сейчас

проходит по делу как свидетель, на допросе в СК сообщили, что у Казадаева такой же статус, как у него. В разговоре с «Медиазоной» Хасоев предполагал-, что Казадаев причастен к преступлению, но может избежать ответственности из-за высокого статуса и связей. «Мы хотели бы знать, кто это сделал, и мы сомневаемся, что он не причастен к этому», — говорит, в свою очередь, Светлана Патеюк. Сам Казадаев на просьбу прокомментировать уголовное дело, переданную через родственников, не отреагировал. В транспортной полиции по ЦФО «Холоду» 25 января ответили, что Владимир Казадаев «с 13 января 2020 года находится в основном отпуске».

Андрей Патеюк во дворе своего дома. Фото: Анна Огородник / Холод

Блокнот с именами

Кроме Казадаева, «на слуху» в 2002 году в поселке был 21-летний Дмитрий Истомин, который работал водителем во вневедомственной охране и вырос с Катей Патеюк в одном дворе. По словам Ольги Шекуновой, 10 августа Истомина видели со сломанной рукой, что тоже усилило подозрения в его адрес. Его родственники тогда говорили, что он «упал в подвал», вспоминают Патеюки.

Жена милиционера, 41-летняя предпринимательница Марина Истомина (она управляет семейным бизнесом — станцией техобслуживания «Дакар» в Селенгинске), сказала

«Холоду», что ее муж действительно сломал руку, но не 10 августа, а 20-го. «Они с родителями потому что на даче загоняли куриц, и он упал на руку», — объясняет она.

Семья Истоминых живет в квартире в такой же трехэтажке, в какой живут почти все в Селенгинске. В одной из комнат спит младенец. На кухне лезет мордой в раковину большой, песочного окраса кот британской породы. «Это доче купил Дима на день рождения. Был до этого серый, собаки задавили. Пришлось в течение недели нового брать. Доча вся потому что изнежена папой», — объясняет Истомина.

У Истоминых двое сыновей и дочь. Старший сын родился утром 10 августа 2002 года — в день гибели Кати и Жени, а младший появился на свет в декабре 2019 года, за несколько дней до задержания его отца по делу об их убийстве. Пока Марина Истомина была в роддоме в Улан-Удэ, в доме семьи прошел обыск. В тот же день, 17 декабря, ее мужа забрали в СК, ему предъявили обвинение в убийстве. На следующий день его арестовали. Истомин отказался признать вину.

Марина Истомина считает рождение старшего сына железным алиби мужа. Она уверена, что в ту ночь в августе 2002 года он никак не мог встречаться с девушками, потому что в три часа ночи у нее начались схватки, и он повез ее в больницу. Свидетелями этому стали охранники-коллеги Истомина, которых он вызвал через тревожную кнопку ближайшего магазина, чтобы те отвезли его с женой в родильное отделение. В восемь утра, по словам Истоминой, ее муж уже стоял у роддома. О «неопровержимых

доказательствах» невиновности своего доверителя говорит и адвокат Валентин Кротов, который настаивает, что Истомин «был в абсолютно другом месте».

По словам Истоминой, ее муж после армии пять или шесть лет работал водителем вневедомственной охраны МВД, затем устроился в Кабанский РОВД заниматься расследованием экологических преступлений, а после сокращения стал работать там же в дежурной части. Истомина подчеркивает, что на момент убийства девушек он еще не работал в РОВД, и утверждает, что он никогда не дружил с сотрудниками Инкиным и Казадаевым.

При этом, по ее словам, в 2002 году всех работников пункта вневедомственной охраны, включая ее мужа, вызывали на допрос следователи. По ее словам, это объясняли тем, что у одной из убитых нашли блокнот со списком имен молодых сотрудников селенгинского отдела милиции и местного ПЦО[4].

«Для чего? Никто не знает. И их по этому списку всех таскали. Там их человек, может, 15-20 было. Диму тоже, но его на день забрали и потом отпустили», — вспоминает Истомина.

Ольга Шекунова сказала «Холоду», что слышала о блокноте со списком имен, но у ее дочери его не находили. Патеюки также отрицают, что Катя вела такие записи. Евгений Хасоев, который расследовал убийство, не помнит такого блокнота в материалах дела.

Селенгинск. Фото: Анна Огородник / Холод

«Следствие идет не по тому пути»

При этом, по словам родственников девушек, никто не подозревал в убийстве 26-летнего замначальника селенгинского отделения милиции Евгения Инкина, который теперь арестован по этому делу, — его в поселке знали как скромного и тихого человека. В 2002 году он сам участвовал в расследовании убийства двух девушек. «Инкин заскакивает с операми: "Фотографии надо". Я ему спокойно отдавал», — вспоминает Андрей Патеюк.

Ольга Шекунова считает, что милиционер, если и не участвовал в убийстве непосредственно, занимался «покрывательством» виновных. «Первый раз сразу после опознания этот Инкин нас допрашивал. И он, я заметила, в глаза мне не смотрел, у него глаза бегали в разные стороны. Я вышла и говорю: "Что-то он знает"», — утверждает она.

Светлана Патеюк, мать Кати, говорит, что часто видела Инкина после убийства дочери, и отмечает, что он «прямо в глаза лез». «Он наповадился к нам сюда во двор ездить на [детскую] площадку. Выйдешь — он обязательно тут с ребенком на качелях. Где [еще] увидишь — он идет, смотрит на тебя и здоровается. Даже когда к нам приходили [милиционеры] в тот период, он первый забегал [в квартиру]. Вот до сих пор эти глаза его никак не забудутся», — говорит она.

Патеюки также вспоминают, что местные жители обвиняли Инкина в избиениях задержанных. В семье говорят, что в середине нулевых брат жены Василия Патеюка Антон Балдаков, который тогда учился в 11 классе, подрался на улице с молодыми людьми, которые оказались милиционерами в штатском, а затем получил черепно-мозговую травму во время допроса, который вел Инкин. Добиться возбуждения уголовного дела его родственникам не удалось.

Впоследствии Инкин вышел на пенсию и устроился работать в службу безопасности на одном из местных предприятий. Патеюки вспоминают, что в последние годы он ездил на работу в поселок Каменск, где находится Тимлюйский цементный завод. Все эти годы он жил в Селенгинске.

Жена бывшего полицейского Екатерина Инкина сказала «Холоду», что на время следствия она воздержится от комментариев по делу.

«Единственное, что я могу сказать, что ребята точно не виноваты. Ни тот, ни другой. Просто следствие идет не по тому пути», — отметила она.

«Все уже, это наш последний шанс»

Родственники убитых подчеркивают, что фамилии арестованных по этому делу не стали для них неожиданностью: о своих подозрениях в адрес сотрудников милиции они говорили еще в 2002 году, но тогда никто не обратил на это внимания. «17 лет одни и те же фамилии — и никто ничего. Вообще ноль. Все эти фамилии, которые изначально звучали, на данный момент всплыли снова», — говорит Ольга Шекунова.

Время, которое прошло с момента убийства Патеюк и Шекуновой, больше всех допустимых сроков давности — но не в случае двойного убийства. Поскольку за это преступление грозит вплоть до пожизненного заключения, то в случае обвинительного приговора судья должен будет решить, применить срок давности и отпустить Инкина и Истомина, либо назначить им наказание. То же самое касается Попова, которого вместе с Инкиным обвиняют в похищении и покушении на убийство Бондаревой.

По сообщению СК, проверяются также версии о «причастности к преступлению еще ряда сотрудников полиции», поэтому не исключено, что обвиняемых станет больше. «Те, кого сейчас озвучивают в этом деле, не могли это сделать быстро вдвоем, или [даже] втроем, — уверен Андрей Патеюк. — Убили одни, а кто-то еще помогал».

Новость о возобновлении расследования в семье Жени Шекуновой называют «печальной радостью». «Надежда, что, господи, ну неужели восторжествует

наконец-то [справедливость]? — говорит Ольга Шекунова. — Жить с этим столько лет, вы представляете?..». Отец Жени, Виктор Шекунов, до возобновления расследования не дожил — он умер в 2018-м году от рака. «Все уже, это наш последний шанс. [Больше] у нас не будет шанса их посадить», — уверена Шекунова.

Обе семьи надеются, что следствие на этот раз не прекратится, и к ответственности привлекут всех, кто причастен к убийству их дочерей. Светлана Патеюк вспоминает, что после убийства Кати они с мужем «задались целью, что надо дожить до тех времен, чтобы узнать, [кто убийцы], — дожить и посмотреть на них». «Это потрясение страшное. Ну, надежда поселилась, что какое-то прояснение будет, — говорит она. — Как бы то ни было, все равно вина, что вот дочь погибла, и мы ничего не смогли сделать, — она присутствует. Тяжесть эта».

Василий Патеюк говорит, что у него «душа очень болела» много лет после смерти сестры. «Вроде жили-то как кошка с собакой, а потерю ощутил, я не знаю, как что. Даже когда по поводу нее разговаривал, сдержаться не мог от слез, — рассказывает он. — Сестра тяжело переживает до сих пор, у нее не прошло это. [А отец] — порой сидишь — он смотрит телевизор, но ты видишь, что он его не видит. Он в стену рядом уткнулся. Час, два, три. Просто лежит и все. Тяжело всем, хоть и прошло уже 17 лет».

Публикация — совместный проект «Медиазоны» и журнала «Холод», на сайте которого вы тоже можете прочесть этот текст. При участии Михаила Зеленского. Редактор: Таисия Бекбулатова («Холод»).

1. До 2001 года Государственная противопожарная служба входила в состав МВД.
2. До 2007 года в России расследованием особо тяжких преступлений, в том числе убийств, занимались следователи прокуратуры. Милиция только обеспечивала оперативную поддержку следователей во время расследования таких преступлений. Потом следователей перевели в Следственный комитет при прокуратуре, который в 2011 году отделился и стал самостоятельной структурой.
3. Отец Владимира Казадаева, подполковник Михаил Казадаев, почти двадцать лет занимал должность начальника регистрационно-экзаменационного отдела ГАИ, обслуживающего Кабанский, Прибайкальский, Тункинский и Окинский районы Бурятии.
4. Пункт централизованной охраны вневедомственной охраны МВД, впоследствии Росгвардии.